РУССКИЕ ВОИТЕЛИ ЗА ВЕРУ И ОТЕЧЕСТВО
ПОЖАРСКИЙ
спаситель Отечества

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Князь Дмитрий Пожарский памятен для нашего народа как спаситель Отечества. И это ничуть не преувеличение! Возглавив народное ополчение в страшное лихолетье, он вырвал Россию из лап чужеземного владычества. Его великими трудами и воинскими подвигами Русская держава восстала из пепла, и на царский трон взошёл первый государь из династии Романовых. Конечно, один Пожарский с этой труднейшей задачей не справился бы, у него были соратники, и главный – Кузьма Минин. Но именно князь Дмитрий, единственный из русских вельмож и военачальников тех лет, сделал больше, чем можно было ожидать от него. Помогли ему в этом алмазная твёрдость духа, необыкновенные прямота души и бескорыстие, удивительная стойкость, верность данному слову. Ну и, конечно, крепчайшее упование на Бога. Ведь спасение гибнущей страны было для Пожарского подвигом христианским, делом святым, совершаемым во имя Христа. Ради Христовой заповеди любви к людям он даже не стал спорить за царский трон, хотя имел шанс надеть на себя государев венец! О том, как всё это было, и рассказывает наша книга.

- Наталья Иртенина
  - Странная встреча в монастыре
  - Лихо над Русью
  - Зарайское крепкое стояние
  - Без государя
  - Два Кузьмы
  - Ополчение выступает
  - Смертный бой за Москву
  - Изгнание врага
  - Вновь на государевой службе

Наталья Иртенина
Пожарский – спаситель Отечества

Странная встреча в монастыре

Три года мирно на Руси. Отгремела долгая и тяжкая война с ливонскими немцами, шведами и поляками. Плохо она для Русской державы окончилась. Пришлось отдать неприятелю свои земли с несколькими городами. Верно, не за горами и новая война.

А солнце июльское так ласково, горячо целует в щёки! Древний Суздаль так манит зелёными берегами своей реки Каменки, что вьётся по городу крутыми излучинами. И так уморительно орут лягушки в пруду под монастырской стеной! Три святые обители по разные стороны речки будто водят хоровод над ней. Купола величественных храмов сияют в голубых небесах.

У мостка с радостными воплями сигают в воду посадские мальчишки. Митю потянуло к ним. Эх, показать бы неумехам, как надо прыгать с моста в реку! Да нельзя. Князю простонародные забавы не к лицу. Родовую честь нужно хранить, так говорит отец.

– А в чём она, родовая честь? – спросил Митя, стараясь попадать в ногу с родителем.

Вдвоём они шли по тропке над обрывистым берегом к Спасскому монастырю.

– Ну, слушай, сын. Когда-то честь рода Пожарских была в большом богатстве и знатности, – начал рассказывать Михаил Фёдорович своему девятилетнему наследнику. – Род наш древний, от того же корня растёт, что и московские цари, от великого государя-князя Всеволода по прозванию Большое Гнездо, что княжил на Руси четыре столетия назад. Повернись судьба иначе, и мы могли бы нынче стоять у царского трона. Но теперь нас в чинах и званиях обошли другие роды, знатность и богатство наше истаяли. Ныне наша честь в службе государю, да только служба эта у Пожарских невеликая, больших чинов нет ни у кого из твоей родни. Для высоких московских бояр мы, Пожарские, никто, сморчки трухлявые, и честь у нас захудалая. – Отец положил руку на плечо сыну. – Ты, Дмитрий, мотай себе на ус…

Митя потрогал место над верхней губой, где у мужчины должны расти усы. Но там ещё было голо и гладко. На что же мотать отцовы слова?..

– Сколько у нас знатных бояр да дворян перебежало с Руси в Литву и к полякам! Измену сотворили, против нашего царя и земли русской своё оружие повернули. Думали себе честь и богатство выслужить, да изменников-то нигде не любят. Золотом

могут осыпать, а чести не дадут. Предавший раз, предаст и в другой раз. А ты, сын, служи без измен, без шатаний в уме. Взял меч – дерись им до смерти за отчизну, за государя, за веру нашу православную. Крепко стой, не гнись, не криви душой. На посулы вражьи не соблазняйся. Если нужно будет, прими лишения и раны, и саму свою жизнь отдай за правое дело. Даже если все вокруг тебя изменят – а ты будь верен. Тем и свою честь, и честь своего рода умножишь, и богатство наживёшь.

– А как же ты, отец: служил честно, не криво, но богатства не нажил, наоборот, растратил и оскудел? – недоумевал Митя.

– Траты наши во спасение. Пожарские Богу и Церкви, обителям святым и храмам всегда обильно жертвовали. Да и не траты это, а приобретения… И что службой государю мы богатство не нажили – так это как посмотреть. Верный в малом верен и в большом. Верный царю верен и Богу. У Господа нашего ни копейка, пожертвованная ради Христа, ни кровь, пролитая за Отечество, ни самый малый честный труд, ни слово доброе не пропадут – отплатятся тебе щедро.

Прежде чем идти к пятиглавому монастырскому собору, отец и сын повернули к небольшой, низенькой кирпичной постройке без окон, накрытой полукруглым сводом. То была родовая усыпальница князей Пожарских. Митя, глядя на родителя, тоже перекрестился перед ней и поклонился.

– Здесь лежат наши предки, – произнёс Михаил Фёдорович. – Многие сложили свои головы в битвах за Отечество. Чувствую, и мне скоро быть с ними…

Сердце у Мити сжалось. Он с отчаяньем посмотрел на отца.

– А ты, Дмитрий, на помин души моей не поскупись тогда, отпиши в дар монастырю, как я велю тебе, деревеньку из наших владений, со всеми угодьями и промыслами. Тем добро сделаешь и мне, и себе… Пойдём-ка в храм Божий, помолимся усердно за покойных и за живых…

На пути к собору встретился им старый монах с палкой-клюкой. А может, и не монах это был, а просто нищий, живущий при обители. Одёжка на нём до того ветхая, что не разобрать – ряса это монашья или что иное.

– Кузьма! – вдруг обрадовался старец, неожиданно резво кинувшись к юному князю. – Дай-ка я тебя благословлю!

Не успел Митя опомниться, как большой крест, извлечённый из-под лохмотьев нищего, лёг ему на лоб, затем прижался к губам.

Мите не понравилось, что его назвали Кузьмой. Он был так недоволен этим, что даже не удивился, откуда старик знает его другое имя, то, которое дали ему при крещении. Дмитрий – имя

громкое, знатное, как раз княжье. Так его и звали в семье, потому что в день памяти святого воина Димитрия Солунского он родился. А простонародным Кузьмой мальчика окрестил спустя неделю священник – в честь святого Косьмы, лекаря и бессребреника, чью память праздновали как раз в тот день.

Блаженный старец меж тем всё радовался:

– Сподобил меня Господь Кузьму благословить. Не доживу, когда другие будут тебя крестом Христовым благословлять… А имя-то у тебя светлое. Бессребреники, некорыстолюбцы на Руси скоро понадобятся, да днём с огнём их не сыщешь. Ты ж, когда другой Кузьма позовёт тебя в ратный поход, не отказывайся смотри!

И погрозив Мите пальцем, старик заковылял дальше по дорожке. Мальчик изумлённо повернулся к родителю.

– Как это? Кроме царя никому не дано созывать войско в поход! А разве может царь зваться Кузьмою?

Только отец ему ничего на это не ответил. Лишь задумчиво смотрел вослед блаженному.

Лихо над Русью

Много лет спустя князь Дмитрий Михайлович Пожарский снова будет стоять в том же соборе суздальского Спасского монастыря, молиться Богу и святым. А перед тем поклонится гробам предков в родовой усыпальнице – напоследок. Ведь как знать – не станет ли этот военный поход для него, да и для всей Руси погибельным?

И вспомнит он того старца с его предсказанием. Было то или не было? За далью лет блаженный превратился в смутное видение, будто приснился когда-то.

Да ведь князь и впрямь чуть было не отказался возглавить ополчение, когда нижегородец Кузьма Минин посылал к нему одно посольство за другим! Жители Нижнего Новгорода звали Пожарского на ратное дело – освобождать Русь от захватчиков, поляков и литовцев, а князь всё не решался взвалить это великое бремя себе на плечи. Слишком тяжела ноша, а помощников – раз-два и обчёлся. Мало в ту пору осталось на Руси людей чести и долга, бессребреников и некорыстолюбцев, которые бы стояли не за свою выгоду, а за правду. Но Минин всё же нашёл слова, убедившие Пожарского.

Собранное ополчение двигалось к Москве, и вождей его благословляли в Ростове Великом, в прославленной Троице-Сергиевой лавре, в Суздале. Вместе с ратниками к Москве шла чудотворная Казанская икона Богородицы, вдохновляя на подвиг. А всё равно душа у князя была полна смятения: сумеют ли спасти Русь от страшной беды?

– Господи, не погуби Отечество наше и людей русских, – молился Дмитрий Михайлович в суздальском монастыре. – Если спасёшь страну и народ наш – с ними и я спасён буду. Если погубишь – с ними и я погибну!

Сумеют ли они очистить русскую землю от скверны, которая мутным потоком затопила всю страну, заполонила её злобой, ложью, предательством, бунташным и воровским духом?..

Сумели. Отстояли в 1612 году Русское государство. Выгнали врага из Московского Кремля, а затем и из страны. Вымели скверный дух измены и мятежа со своей земли. Вычистили гниль и порчу, которые восемь лет разъедали души русских людей.

Тогда и назвали князя Дмитрия Пожарского спасителем Отечества. Четыре столетия после того имя его в русском народе прославляется, и дела его вспоминают с благодарностью…

* * *

В те века у московских царей не было недостатка в полководцах высшей пробы. Под рукой у государя всегда находилось множество знатных бояр, умеющих водить полки на войне, опытных и талантливых военачальников из придворной аристократии. Они выигрывали большие сражения, отвоёвывали захваченные когда-то соседями русские земли, обороняли наши рубежи, отражали нашествия вражеских армий. На служебной лестнице Русского государства все они стояли намного выше Пожарских.

В обычное время князю Дмитрию Михайловичу было бы до них не дотянуться. Самое большое, чего он мог достичь, – должности воинского головы в какой-нибудь порубежной крепостице. Иными словами, на современный лад, он мог бы дослужиться до звания полковника – не выше.

Как же случилось, что в тот момент, когда Русь погибала, на этом «полковнике» свет сошёлся клином? Не сыскалось никого иного, кто встал бы во главе армии и повёл бы её спасать страну от врага!

В том-то и дело, что время в начале 17 века настало необычное. Обрушились все прежние государственные порядки, вековые обычаи. Изменились даже людские нравы – увы, в худшую сторону. Позднее эти годы, начиная с 1604-го, назовут Великой Смутой. В стране завелись тогда во множестве самозванцы, величавшие себя «русскими царями». Они сколачивали войско и шли покорять Москву, забирать себе царский трон, якобы принадлежащий им по праву. Они сеяли в русском народе разброд, сомнения, злобу.

Открыл эту череду самозванцев Лжедмитрий Первый. Он назвался именем давно погибшего царевича Дмитрия, сына знаменитого царя Ивана Грозного. Будто бы он чудесным образом спасся от убийц, подосланных боярином Борисом Годуновым, который потом сам хитро пролез в цари. Лжедмитрий вторгся в пределы Русского государства с небольшим войском, состоящим из поляков и литовцев. А когда подошёл к Москве, то опирался уже на огромную армию. В этом войске были русские казаки, дворяне, воеводами Лжедмитрия стали русские аристократы. Все они были недовольны властью царя Бориса Годунова. Все мечтали поживиться от щедрот нового правителя, половить рыбку в мутной воде.

К тому же первому из самозванцев многие верили искренне.

– А вдруг он и впрямь спасшийся царский сын?! – чесали в затылках простые горожане.

– Если не поддержим его как истинного царевича, а он утвердится на престоле, нам по шапкам крепко достанется! – размышляли дворяне-служильцы.

– Борис-то Годунов – выскочка, усевшийся на царстве. И родовитее его найдутся! Для чего нам держать его сторону? Не лучше ли заслужить милости от настоящего царя Дмитрия? – кумекали меж собой бояре.

Так в Московском царстве свила себе гнездо измена. На сторону самозванца переходили целые города. У Годунова не достало сил противостоять Лжедмитрию. После внезапной смерти царя Бориса Москва открыла ворота «спасшемуся царевичу» и короновала его царским венцом. Ненадолго, правда. Всего на год хватило терпения у москвичей. Столицу наводнили поляки-иноверцы, которым благоволил новый царь, и вели они себя нахально. Да и свадьба Лжедмитрия с полькой-католичкой подлила масла в огонь.

– Когда такое бывало, чтоб русский православный царь женился на иноверке и мирволил полякам-латынникам?! – возмущались и простолюдин, и знатный вельможа.

Подняв бунт, московские бояре свергли Лжедмитрия. Самозванца убили. Но дух его остался на Руси! И хотя выбрали другого царя – высокородного аристократа Василия Шуйского, страна продолжала бурлить мятежом. Скоро появился очередной самозванец – Лжедмитрий Второй. Уже мало кто верил в небылицу, что он якобы снова спасся от гибели. Но самозванец стал знаменем, под которое стягивались все желавшие власти, высоких чинов, денег, богатых пожалований. Все, кому тесно было под рукой хоть и не самого лучшего, не самого привлекательного, не самого честного, но всё же законного царя Василия Шуйского.

Русскими людьми овладел дух наживы, беззакония, разбоя. Заварилась каша Смуты, и главными поварами стали благородные вельможи! Великие столпы государства – князья, бояре, высшие чины, управлявшие делами державы, один за другим ударились в измену. Как птички, они перелетали из Москвы в лагерь Лжедмитрия Второго, который со своим войском осадил столицу. Их так и называли пренебрежительно – «перелёты». А к самозванцу приклеилась кличка Тушинский вор – потому что стан его был в селе Тушине и потому что ворами называли мятежников, покушавшихся на государственные порядки.

Шайки Тушинского вора рыскали в те годы по всем русским землям, от Пскова до Казани, от южных городков до самого Белого моря на севере. От них не отставали отряды польско-

литовских захватчиков, оставшиеся ещё от первого Лжедмитрия. Всюду они грабили, жгли, убивали тех, кто не хотел покориться самозванцу. А у Василия Шуйского уже не хватало воевод, верных ему, чтобы оборонять хотя бы только Москву! Вот тогда и зажглась полководческая звезда князя Дмитрия Пожарского.

Зарайское крепкое стояние

Царский посланец громким голосом зачитывал грамоту царя Василия Шуйского:

– Памятуя Бога и Пречистую Богородицу, ты, князь Дмитрий, за веру христианскую и за всех православных людей против врагов, польских и литовских людей и русских воров, стоял крепко и мужественно и многую верную службу показал, и на воровскую смуту не прельстился…

Пожарский, сидя на лавке в своём московском дому, слушал эти царские похвалы в глубокой задумчивости. Да, туго пришлось Москве в осадном сидении, окружённой тушинским войском. Шайки самозванца перекрыли почти все дороги, по которым в столицу везли хлеб и иное продовольствие. Оставалась одна коломенская, да и ту грозили захватить литовцы. Наперерез им послан был тогда воевода князь Пожарский с отрядом. Внезапным нападением ночью они обратили врага в бегство. Столица была спасена от голода!

Но важная коломенская дорога так и притягивала к себе ватаги тушинских воров. Чуть погодя там объявился ещё один отряд сторонников самозванца. Они грабили обозы, идущие в Москву, а затем двинулись к самой столице. Воеводы Шуйского не могли их остановить и несли большие потери в боях. Тут снова настал черёд князя Пожарского проявить свои военные дарования. Он сошёлся с разбойным отрядом на Владимирской дороге, у реки Пехорки, и наголову разбил сильного, упорного врага.

После многих поражений и утрат эта победа Пожарского будто окрылила войска, остававшиеся верными царю Василию Шуйскому. За несколько месяцев они нанесли ещё несколько хороших ударов по тушинцам. Самозванец отступил от Москвы, убрался под Калугу.

Но что дальше?! Шайки мятежников и грабителей, казаков-разбойников и иноземцев по-прежнему вольно гуляют по Руси, разжигают всё сильнее пожар Смуты, склоняют остатки верных людей к измене. Вдобавок уже полгода как на Русь вторгся с армией польский король Сигизмунд и осадил Смоленск. Полякам не терпелось воспользоваться русской Смутой к своей выгоде, оторвать от наших земель немалый кус…

– И за то, что стоял ты, князь Дмитрий, непоколебимо, без всякой шатости, жалует тебя всея Руси государь Василий Иванович вотчинами во Владимирской земле и местом зарайского воеводы…

Дмитрий Михайлович встрепенулся от тяжких дум, перекрестился.

– Ну что ж, ещё поборемся! Бог милостив. Авось, устоит Русская держава под напором злой бури и устроится в прежнем порядке.

Зарайск город невеликий, зато важный. Форпост, защищающий Москву с юга, да со своим кремлём – хоть и небольшой, но прочной каменной крепостью. Пожарский отправился туда не мешкая.

В городе он застал брожение умов. Лазутчики самозванца, кишевшие всюду, будоражили людей посулами и угрозами. На сторону Лжедмитрия Второго вслед за другими городами переметнулась соседняя Коломна. Получил письмо с требованием присягнуть самозванному «царю» и зарайский воевода князь Пожарский. Среди жителей Зарайска вызрел бунт.

– Сдай город без боя, воевода! – с таким ультиматумом подступили к Пожарскому горожане, поверившие словам самозванца. – Отступись от Шуйского! Иначе выдадим тебя на суд к царю Дмитрию и его светлым боярам!

– Вора царём называете?! – гневно обрушился на них князь. – Изменников светлыми боярами величаете?! Не бывать тому, чтоб Пожарские приняли изменный ваш обычай! Стоял и буду стоять за законного царя на государстве!

Воевода действовал решительно. Он приказал сделать в крепости запасы оружия, боеприпасов, продуктов. А потом заперся за каменными стенами вместе с верными бойцами гарнизона. Но твёрже крепостных стен была его воля. Поддержал воеводу и священник Никольского собора, которого тоже звали Димитрий.

– Благословляю тебя, князь, если доведётся, умереть за православную веру и Отечество. – Отец Димитрий осенил склонённую голову Пожарского крестом.

Мятежники пошли на приступ крепости, но их отбили. А затем Пожарский своими горячими воззваниями и решимостью стоять насмерть вынудил горожан одуматься. Вместе с отцом Димитрием они успокоили разгорячённые головы, даже заставили бунтующих устыдиться!

Порешили миром:

– Кто будет в Московском государстве царь, тому и служить, – обещали зарайцы и в знак клятвы целовали крест.

– Будет в государстве по-старому царь Василий, ему и служить, – подтвердил свою присягу Пожарский. – А будет иной законный царь, и тому так же честно служить!

Такая стойкость зарайского воеводы повлияла и на

коломенских жителей. Князь отправил к ним призыв выгнать из города тушинцев – и Коломна подчинилась этому требованию. Очень крупный успех Пожарского! Правда, царю Василию Шуйскому это уже не помогло.

Без государя

Летом 1610 года московские бояре, враждебные царю, совершили позорное деяние. Они изменили законно избранному государю и свергли Василия Шуйского с престола. А чуть погодя отправили его в польский плен, к королю Сигизмунду, который всё ещё стоял с армией под Смоленском. Править государством они хотели сами, поэтому образовали правительство из семи самых знатных бояр. Вместо одного царя на Руси появилось сразу семь некоронованных «царей» – олигархов. Их власть назвали Семибоярщиной, но на самом деле мало кто им подчинялся. Не зря же говорят: у семи нянек дитя без глазу. Русская держава оказалась «безгосударной» – обезглавленной.

Настали самые страшные годы. Страна умирала, задыхаясь в чёрном пламени Смуты. Ей грозил распад. Великий Новгород вскоре захватили шведы, пал и Смоленск под натиском польских пушек. Гибель Тушинского вора в Калуге ничего не изменила. В Пскове, Астрахани уже «царствовали» другие самозванцы. С юга грозили прийти крымские татары. Всюду бесчинствовали ватаги воров и отряды оккупантов – самый отъявленный сброд, жадный до добычи. В душах честных русских людей поселились страх, отчаяние, безнадёжность. Как будто Бог отвернулся от Руси, отдав её на съедение хищникам!

Московские бояре-изменники, видя своё бессилие, решили, что с царём всё же будет лучше. Но на русский трон они задумали посадить не соотечественника, а польского королевича Владислава, сына короля Сигизмунда.

– При таком царе, – сговаривались они друг с другом, – у нас будут развязаны руки. Почёт будет у Владислава, а настоящая власть – у нас.

Дело было за малым: чтобы королевич-католик перешёл в православную веру. Для переговоров к Сигизмунду отправилось боярское посольство. А польский король, ещё даже не дав ответ, послал к Москве большой воинский отряд. И бояре пустили поляков в столицу, распахнули перед ними ворота Кремля. Думали, что их затея уже удалась им, что послушный Владислав теперь у них в кармане. Не тут-то было!..

Тем временем за пределами Москвы рождалось сопротивление планам Семибоярщины. Ведь за королевичем Владиславом стояла коварная фигура его отца. Вскоре уже многим стало ясно, что Сигизмунд сам хочет сесть на русский престол, прибрать к рукам Московское государство. Дворяне-служильцы из Рязани, Коломны, Серпухова, Мурома, Калуги и

других городов начали пересылаться друг с другом письмами, собирать ополчение. Во главе этого земского движения встали дворянин Прокопий Ляпунов и князь Дмитрий Трубецкой.

А что же Пожарский?

Дмитрий Михайлович горячо поддержал правое дело. Когда отряды запорожских казаков, польских союзников, осадили Ляпунова в городе Пронске, зарайский воевода не раздумывая кинулся ему на помощь. Запорожцам наподдали, но они захватили Зарайск. Пришлось Пожарскому вышибать их оттуда – и снова успешно.

Впереди ополчению предстояла большая и сложная задача – очистить Москву от поляков и русских изменников. На этот подвиг ополченцев звал в своих письмах из столицы патриарх Гермоген. «Унимайте грабежи, сохраняйте братство, положите души свои за веру православную и за правду!» – обращался к ратным людям патриарх. За эти призывы поляки и русские предатели бросили святителя Гермогена в темницу и уморили голодом. Но зажжённый им и всё сильнее разгоравшийся огонь сопротивления оккупантам уже было не погасить.

На исходе зимы ополчение двинулось с разных сторон к Москве. В столице уже давно готовилось восстание против польских захватчиков. Эти новые «хозяева» не стеснялись бесчинствовать в городе, творить насилия, грабежи, глумиться над жителями, над православной верой. Русские изменники – небольшая кучка высокородных бояр и дворян – во всём потакали им.

Одним из организаторов восстания был князь Пожарский. Ещё зимой он тайно прибыл в Москву, начал вести переговоры с теми вельможами, в которых не угасла любовь к родине, которые не обменяли свою честь на выгоду. Заготавливалось оружие и брёвна для защитных сооружений, разрабатывался план. Ждали только подхода ополчения.

Но Москва содрогнулась раньше времени. Поляки узнали о приготовлениях и пошли в наступление. Мартовскую снежную кашу на столичных мостовых обагрила кровь. Оккупанты убивали всех подряд, не разбирая, врывались в дома, пустили на пеших горожан конницу. Но и русские не оплошали. Повсюду на улицах вмиг завязались бои. Москвичи сооружали баррикады, стреляли из пушек по конным полякам и немцам-наёмникам. Оккупанты отступали, выманивая русских бойцов из-за укреплений. А те преследовали врага, неся с собой дубовые столы, лавки, брёвна. Когда неприятель поворачивал вновь в атаку, перед ними опять вырастала баррикада, из-за которой летели пули и ядра. Над городом стоял страшный гул сражения, били тревогу сотни

колоколов…

Пожарский с отрядом держал оборону на улице Лубянке, где находилась его родовая усадьба. Рядом был Пушечный двор, оттуда брали боеприпасы. В этот первый день мартовского восстания победа оказалась за москвичами. Польский гарнизон заперся в стенах Кремля и Китай-города. Но на следующий день случилась катастрофа.

Поляки начали жечь город – причём по совету русских изменников! Заполыхали улицы, вспыхивали, как факелы, деревянные хоромы, усадьбы, церкви. Ветер разносил огонь от дома к дому. Отрядам москвичей пришлось вести борьбу на два фронта – против врага и против пламени. А ополчение всё ещё опаздывало!

Русские дрались отчаянно, но отступали от стены огня, пожиравшего их укрепления. Один Пожарский со своими людьми стоял, как скала. Они не давали полякам поджечь окружающие дома, били из пушек, атаковали. Дмитрий Михайлович получил уже две раны, и бойцы ждали, когда он скажет: «Всё! Уходим. Мы сделали всё, что смогли». Но князь, изнемогая от ран, только подбадривал ратников. Пожарский стоял насмерть!

Лишь третья рана свалила его наземь. Его вынесли из боя едва живого. По лицу князя катились слёзы. Он смотрел на чёрные руины Москвы, и из груди его вырвался стон:

– Лучше мне умереть, чем видеть такое горе! Народ русский погибает, и никто не может помочь ему!

Два Кузьмы

Земское ополчение подоспело к Москве, когда восстание уже задохнулось в дыму пожара. Столица на две трети обратилась в пепел, только каменные стены Кремля и Китай-города возвышались незыблемо. За этими стенами засели оккупанты. Ополчение взяло московскую крепость в осаду. А над горелыми развалинами опустевшего города ещё долго каркало вороньё.

До следующей зимы князь Пожарский залечивал раны в своём имении за сотню вёрст от Нижнего Новгорода. Лёжа на постели, он то горячо молился Богу о спасении страны, то снова горько плакал, то впадал в мрачное уныние. Погибла Русь, некому вступиться за неё, чёрная мгла накрыла её города и земли!

– Видно, много нагрешил русский народ, много совершил зла. Испохабились души русские, потому и казнит нас теперь Господь, – в тоске говорил себе князь. – Последняя надежда сгорела вместе с Москвою…

Не ведал он, что в Нижнем Новгороде уже задумали собирать второе ополчение. Земский староста Кузьма Минин, простой торговец, воспламенял своими речами жителей Нижнего:

– Православные! Не пожалеем жизни свои и имущество для спасения государства русского! Дело великое – постоять за веру и Отечество, как зовёт нас в своих грамотах патриарх. С Божьей помощью совершим его, если не ослабнем духом, если выберем себе вождей начальствующих. Многие города к нам пристанут, как только начнём дело, и тогда избавимся от иноплеменников! Встанем вместе за одно!

– Вместе за одно! – подхватили призыв нижегородцы.

– Рать-то собрать мы сумеем, коли поднажмём всей землёй. А кого во главе поставить? – возражали Минину из толпы народа на городской площади. – Где взять вождей, воевод сильных, которые б изменой не запятнались? Те, что под Москвой встали на осаду, и то перегрызлись меж собой. Казаки с дворянами рассорились, Прокопия Ляпунова зарубили во вражде!

– Есть такой воевода! – крикнул Минин. – Князь Дмитрий Михайлович Пожарский в ратном деле искусен, храбр, как лев, и в изменах не бывал. Богатырь истинный!

Загудела толпа нижегородцев, одобряя выбор. Все были наслышаны о битвах Пожарского и о смертном его стоянии в Москве против поляков. Тут же назначили послов к князю, чтобы они упросили его встать во главе нового ополчения всей русской земли.

Да послы те вернулись ни с чем. Не убедили они воеводу, что дело, ими замысленное, будет успешнее первой попытки выгнать захватчиков из Москвы. Горькую отповедь дал им князь:

– Чем ваша земская рать будет лучше той, что стоит нынче под стенами стольного града? Дворяне оттуда разбежались. Только малая горстка честных теперь там отыщется. А прочие лишь о поживе мечтают, о кремлёвских богатствах. Воровское казачьё верховодит, предатель на предателе сидит. Изолгалась, осквернилась, окривела Русь. Всякий своего прибытка ищет, своей корысти только служит, Бога забыв. Благодарствую за честь, но не приму её! Неподъёмное дело предлагаете. Не хочу вести людей на напрасную гибель.

Вернулись послы в Нижний Новгород, рассказали:

– Отчаялся князь, не верит, что Русь ещё подняться сможет. Опротивели ему кривизна и шатание в людях.

Но Минин не отступил: послал к Пожарскому новых переговорщиков. А когда и те возвратились несолоно хлебавши, сам сел на коня и отправился в путь. С Мининым поехал монах Феодосий, настоятель нижегородской Печерской обители.

Дмитрий Михайлович и в этот раз начал отговариваться:

– Получше меня воеводы найдутся.

– Сам ты знаешь, князь, как эти воеводы нынче на ветру шатаются, в польскую сторону гнутся, – отвечал ему Минин. – Государства Русского более нету, всего несколько городов свободны от врага и ворья. Вера православная попирается под копытами иноземных коней, церкви пустые стоят! Если мы теперь не вытащим страну из ямы, конец ей придёт. Решайся, Дмитрий Михайлович!

Сказал своё слово и отец Феодосий:

– А ведь ты, князь, грех совершаешь, отказываясь от дела, на которое тебя сам Бог призывает устами земских людей. Что ответишь Господу, когда Он спросит: отчего ты своим нерадением дал вконец погибнуть православному русскому царству, отдал свой народ под чужеземное ярмо? – И добавил убеждённо: – Надо потрудиться ради Христа, князь! А нижегородцам верь, они не предадут! Этот вот, староста Кузьма, прозванием Минин, с собственной жены серебряные украшения снял и отдал в общую казну на ратное дело. Человек незнатный, но верный, будет тебе твёрдой опорой.

Задумался Пожарский, поглядывая на Минина. Во взоре его, прежде потухшем, что-то загорелось.

– Кузьма, говоришь, отче? Может, и впрямь… Может, Господь знак подаёт. Я-то ведь тоже во крещении Кузьма.

А затем, встав с лавки, Дмитрий Михайлович уверенно

договорил:

– Видно, надо впрягаться в этот воз. Постоим ещё, Кузьма, за святое дело!

– Вместе за одно, князь! – воскликнул Минин, удивлённый необычным совпадением и обрадованный таким исходом.

Ополчение выступает

В Нижнем Новгороде закипела работа. На князе Пожарском лежал труд создания войска, снаряжения армии. Кузьма Минин стал казначеем нового земского движения. Деньги на спасение России собирали всем миром. Ни одна копеечка под суровым приглядом Минина не могла проскочить мимо общего дела, прилипнуть к чьим-то рукам.

В другие города полетели грамоты от нижегородцев и князя Пожарского: «По грехам нашим, всего православного народа, учинилась в Русском государстве междоусобная брань. Ныне же мы утвердились клятвою на кресте, чтобы нам всем быть в любви между собой и в единении, а изменного воровства, грабежей чтобы не было. А идти нам всем Отечество наше от польских и литовских людей очищать, стоять против них неослабно до смерти за православную нашу веру. Самозванцев же не слушать и своим произволом без приговора всей Русской земли нового царя на царство не сажать».

В феврале 1612 года Второе земское ополчение выступило в поход. Путь его лежал на север, через земли Поволжья, где города не подчинялись полякам. Всюду рать Пожарского встречали радостно, люди привозили и приносили продукты, деньги. Везде в войско вливалось пополнение. Подходили отряды из Казани, Коломны, Рязани, из других мест.

В Ярославле ополчение остановилось – на целых четыре месяца. Пожарский понимал, что наскоком Москву у врага не отбить. Нужно накопить силы, нужно переубедить города, присягнувшие полякам. Надо воссоздавать государственный порядок на землях, подчинившихся вождям Второго ополчения. В Ярославле возникло новое русское правительство! Его назвали Совет всей земли. Во главе его стояли Пожарский, Минин и несколько знатных аристократов, которые присоединились к ополчению.

Земская рать готовилась к решающему удару. В этот удар надо было вложить всю мощь русского духа и русского кулака. Если вторая попытка освободить Москву провалится, то третьей уже не будет. Это понимали все.

В августе армия Пожарского двинулась к столице. С её знамен смотрели на воинов лики Христа и святых. В Ростове Великом знаменитый монах-подвижник старец Иринарх благословил одного и другого Кузьму. Вручил им большой медный крест:

– С ним победите!

В особой повозке ехала главная святыня ополчения – Казанская икона Богоматери, давно прославившаяся чудесами. На помощь Царицы Небесной в одолении врага уповали и вожди земской рати, и простые бойцы. Схватка с неприятелем предстояла жестокая и тяжкая!

Смертный бой за Москву

Из кого состояло войско Пожарского? Немного дворянской конницы, чуть-чуть стрельцов, некоторое количество казаков. А остальное – простые горожане и крестьяне, едва обученные держать в руках оружие.

В Первом земском ополчении, осаждавшем Москву уже больше года, было не лучше. Его основная масса – буйные, многомятежные казаки. Их вождь, князь Дмитрий Трубецкой, плохо умел справляться с этой полуразбойной вольницей. В те времена нрав и обычаи у казаков были совсем иные, лихие…

К полякам же, засевшим в московских крепостных стенах, шёл на выручку полководец гетман Ходкевич. С ним двигались отборные войска: тяжёлая польская кавалерия, немецкие и венгерские наёмники-пехотинцы. Они везли в Москву обоз с продовольствием, награбленным в русских землях, чтобы накормить осаждённый польский гарнизон.

22 августа полки Ходкевича показались у Москвы. Ядро войска Пожарского заняло оборону в районе нынешней улицы Старый Арбат. Польская конница, перейдя Москву-реку, двинулась тараном на русских. Это была грозная сила, против которой трудно было устоять нашему ополчению.

«С обеих сторон был беспощадный бой, – описывал позднее события их свидетель. – Друг на друга направив коней, смертоносные удары наносят. Свищут стрелы, разлетаются на куски мечи и копья, падают всюду убитые. Понемногу поляки берут верх…» Тогда Пожарский прибег к иной тактике. Он велел своим ратникам сойти с коней и биться пешими. Русские бойцы принялись расстреливать польскую конницу из укрытий. Ямы, рвы, печи сгоревших в прошлогоднем пожаре домов, построенные на скорую руку деревянные острожки – всё становилось подмогой нашим. Рукопашные схватки завязывались тут и там. Развалины сожжённой Москвы кипели смертным боем!

Семь часов уже длилась битва… Ополчение отбило вылазку поляков из Кремля… Десять часов!.. Изнемогал враг, обессилели русские… А Трубецкой и его казаки лишь наблюдали со стороны, не желая прийти на подмогу! Так силён был разлад между первым и вторым земским ополчением! Лишь вмешательство пяти свежих русских сотен оставило в тот день победу за Пожарским. После 13 часов боя гетман отступил.

Но это был ещё не конец сражения.

Через день всё началось заново. На этот раз Ходкевич ударил из Замоскворечья. Опять русская конница пыталась отбить

лобовую атаку поляков. Теперь уж на помощь ей пришли казаки Трубецкого. Но снова русские бойцы не выстояли перед тяжёлой кавалерией, облачённой в панцири!

Половину этого дня ополченцы терпели неудачу за неудачей. Отступила наша конница, рассеялась пехота, скрылись казаки. У бойцов опускались руки:

– Всё кончено!

Казалось, уже не подняться русскому войску против врага, не освободить Москву. Ополчение понесло огромные потери, упало духом. А гетман продвигался всё ближе к Кремлю.

Но… сильна была вера в Божью помощь у князя Пожарского. Вера в правоту и святость освободительного дела не давала воеводе свалиться на дно отчаяния.

– Нет, не всё ещё кончено!

Он повелел священникам служить молебны, чтобы бойцы укрепились духом. Вместе с Мининым он собирал отряды конницы и пехоты – красноречие нижегородца помогало ему в этом. К казакам Трубецкого князь отправил монаха Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына, чтобы тот убеждал их снова встать на бой.

Остатки нашего войска воодушевились. Сам Кузьма Минин попросил Пожарского:

– Дай мне людей, и я ударю на поляков!

– Бери кого хочешь.

С четырьмя сотнями конных бойцов Минин разбил польский отряд, который сбоку прикрывал основные силы гетмана. Эта удача стала сигналом для русского войска. Поляков начали теснить сразу со всех сторон! Дворяне-конники, стрельцы, казаки, пехотинцы атаковали врага из улочек и проулков, из ям и зарослей бурьяна. Стреляли из пищалей, рубились на саблях, сцеплялись с противником в рукопашной. До самой ночи продолжалась эта лютая брань. Всё-таки заставили Ходкевича убраться от Москвы! Нашему войску досталась и большая часть брошенного польского обоза.

Велика была русская жертва – тысячи павших в битве. Но велика и радость победы. Значит, милостив ещё к нам Бог! Благодарственные молебны и колокольный звон оглашали в ту ночь и на следующий день весь русский лагерь.

Изгнание врага

Через два месяца после той битвы Москва наконец вздохнула свободно.

Штурмовать могучие стены Китай-города и Кремля для ополченцев было непростой задачей. Каменные кольца московской крепости строили против врага посильнее, чем невеликое воинство Пожарского, ослабленное схваткой с Ходкевичем! Бомбардировка из пушек ничего не давала.

Но вскоре на помощь русским пришёл голод, который измучил польско-литовских захватчиков. Во вражеском гарнизоне началось людоедство. Неприятель настолько ослабел, что уже не мог обороняться. После небольшого боя казаки ворвались внутрь крепости Китай-города. Теперь в руках у поляков оставался лишь сам Кремль, сердце Москвы. Князь Пожарский предложил им сдаться, чтобы не лить напрасно кровь.

– Ваши головы будут сохранены вам. Даю вам слово!

Дмитрий Михайлович знал, что выполнить это обещание ему будет трудно. Столько горя, боли и разора причинили захватчики его стране, всему народу, русской столице! А разграбленный Кремль, расхищенная царская сокровищница! А замученный в темнице патриарх Гермоген, растоптанные и осквернённые православные святыни кремлёвских соборов!

Однако Пожарский всё же сдержал своё слово. Трижды он являл большое милосердие. В первый раз – когда поляки выпустили из Кремля русских женщин, жён тех бояр и дворян, которые покорились польской власти.

– Пощупаем-ка боярынек! – зашумели казаки, увидев их. – Много ли их мужья выслужили добра у польского короля да под шубами у жён спрятали?!

По приказу Пожарского его ратники встали на защиту женщин, не дали казакам ограбить несчастных.

На другой день поляки выгнали из Кремля всех остававшихся там русских. Жалок оказался вид изголодавшихся вельмож, среди которых было немало и предателей, польских пособников. Но вместе с ними из Кремля вышли и ни в чём не повинные знатные люди, дворяне, купцы, жители столицы, невольно оказавшиеся в осаде. Казаки Трубецкого вновь закричали, обнажая оружие:

– Смерть всем собакам-изменникам! Имущество их поделим поровну!

И опять по слову Пожарского не дали им совершить расправу. Едва до боя между своими не дошло! Потом истинных изменников всё же арестовали, их ждало заслуженное наказание.

Ну а тех, кто не замарал себя предательством, приняли с заботой и жалостью – накормили, приютили.

Наконец, из Кремля стали выходить польские и литовские командиры, их измождённые отряды. Они бросали наземь оружие, с презрением и страхом смотрели на русских. Все они стали пленниками, но судьба их была различна. Те, кто попал в стан князя Пожарского, спасли свои жизни. Дмитрий Михайлович твёрдой рукой удерживал ополченцев от напрасных убийств. Но казаки со своей частью пленных не церемонились: многих из них перебили…

Земское ополчение праздновало освобождение Москвы. Два крестных хода – воинства Пожарского и Трубецкого с молитвенным пением сошлись на Красной площади. В Кремль торжественно внесли Казанскую икону Богоматери, прославляя Царицу Небесную за великую помощь ополчению. Тот день поздней осени, когда был взят Китай-город, с тех пор стал и днём особенного почитания этого чудотворного образа. Сейчас мы отмечаем этот праздник 4 ноября как День народного единства.

Ну а затем настало время всем миром избрать для Русского государства нового царя. Ведь окончательно одолеть Смуту можно не иначе, как вернуть стране и державе потерянную голову – царя, единого правителя, хозяина русской земли.

Вновь на государевой службе

В феврале 1613 года Земский собор выбирал для России государя. Люди всей земли, всех сословий съехались в Москву для такого великого дела. Около тысячи человек спорили и решали, кому отныне быть русским самодержцем.

В первую десятку кандидатов записали и князя Дмитрия Пожарского. Заслуженная честь для вождя ополчения, спасшего Москву! Но… слишком великая честь для человека из не очень-то знатного рода. Впереди него в списке стояли имена намного более высокородных аристократов.

Что стало бы, если б Пожарский надел на свою голову царский венец? Кто-то был бы этому рад, особенно дворяне-ополченцы. Но вся московская знать не приняла бы такого государя. Чересчур мелок для них! Начались бы заново раздоры, пошла бы вновь набирать силу Смута.

– Не приведи Бог! – сказал бы на это сам Пожарский.

Он первым не желал такого хода событий.

И Дмитрий Михайлович смирился. Хотя был он, как и всякий аристократ, человек честолюбивый. Своей чести никому не уступит. Но и лишней, опасной чести, которая ввергнет страну в новую грязь и кровь, ему не нужно!

Земский собор избрал царём 16-летнего отрока – Михаила Романова.

Князь Пожарский ещё тридцать лет служил новому государю и Отечеству верой и правдой. Ещё не один год он воевал с польско-литовскими интервентами, которые никак не хотели убираться из обескровленной России. Противостоял он с войском и самому королевичу Владиславу, который пошёл на Москву в надежде опять завладеть ею. Дмитрий Михайлович, страдая от прежних ран и болезней, ещё отбивал польский штурм на стенах московской крепости.

А когда война с Польшей закончилась, Пожарский показал себя и в мирном труде. Как чиновник высшего ранга он управлял делами государства, восстанавливал страну после страшного разора. Россия в те годы очень нуждалась в таких честных, трудолюбивых служаках.

Царь Михаил Фёдорович высоко ценил князя. Ведь без Пожарского не было бы и новой царской династии Романовых! Государь пожаловал Дмитрию Михайловичу звание боярина, щедро одаривал землями. Назначал его воеводой, когда некого было поставить во главе полков. Великий почёт и богатство обрёл князь Пожарский своей верностью, стойкостью, подвигами. Когда

он окончил свои дни на земле, царь шёл за его гробом. Михаил Фёдорович провожал в последний путь своего боярина со слезами на глазах…

Главное дело жизни Пожарского совершилось в 1612 году. Россия в то время могла попросту исчезнуть. Вконец погибло бы Русское государство, распалась бы страна, и земли её назывались бы иначе, и веру приняли бы чужую, не православную… Но Отечество наше восстало из праха. А героев того великого сражения за Россию мы можем видеть сегодня вокруг стен Кремля. Отлитые из металла, они навсегда заняли там свои посты. Вот Минин на Красной площади зовёт Пожарского, уже взявшего меч и щит:

– Вставай, князь, надо нам спасать Русь, ведь больше некому!

А вот памятник патриарху Гермогену у другой стены Кремля, в Александровском саду. Святитель высоко держит крест, взывая:

– Стойте крепко за святое дело, против губителей и разорителей державы православной!

За спиной у одного незримо сплотился простой народ, у другого – служилая аристократия, у третьего – Церковь. В их спасительном единении Россия и выстояла.